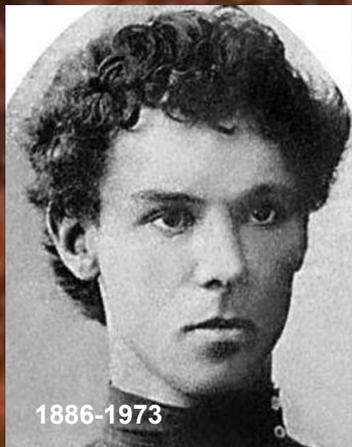
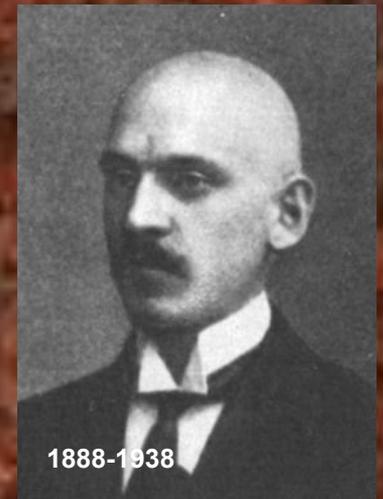

ПОЭТИЧЕСКИЕ ТЕЧЕНИЯ ПОСТСИМВОЛИЗМА

АКМЕИЗМ

ГИПЕРБОРЕЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНИКЪ
СТИХОВЪ
и
КРИТИКИ

I
ОКТЯБРЬ

1912

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1912-1913, 10 номеров

АЛОЛЛОЖЪ

1909-1917

М.ДОБРУЖИНСКИЙ

Журналы, ставшие площадками выступлений акмеистов.

Введение в эстетику и поэтику акмеизма

Жирмунский В.М. ПРЕОДОЛЕВШИЕ СИВОЛИЗМ (1916)

Поколение поэтов [Гиперборея]<...> может быть названо в большей или меньшей степени преодолевшим символизм. По отношению к традиции воспитавшей их эпохи для молодых поэтов характерна известная двойственность: словесные завоевания символизма сохраняются, культивируются и видоизменяются для передачи нового душевного настроения, зато душевное настроение, породившее эти завоевания, отбрасывается как надоевшее, утомительное и ненужное. Кажется, поэты устали от погружения в последние глубины души, <...> [им] снова захотелось быть проще, непосредственнее, человечнее в своих переживаниях, захотелось отказаться от чрезмерной индивидуалистической требовательности к жизни, ломающей и разрывающей живые жизненные связи, бытовые узы между людьми. Хочется быть «как все»; утомились чрезмерным лиризмом, эмоциональным богатством, душевной взволнованностью <...> Хочется говорить о предметах внешней жизни, таких простых и ясных, и об обычных, незамысловатых жизненных делах, не чувствуя при этом священной необходимости вещать последние божественные истины. А внешний мир лежит перед поэтом, такой разнообразный, занимательный и светлый, почти забытый в годы индивидуалистического, лирического углубления в свои собственные переживания.

Мандельштам: Литературные школы живут не идеями, а вкусами <...> Не идеи, а вкусы акмеистов оказались убийственны для символизма. <...> Говорят, вера движет горы, а я скажу, в применении к поэзии: горы движет вкус.

Акмеистов объединил вкус к «жизни». Этот концепт – «жизнь» - стал общим знаменателем эпохи постсимволизма.

Из манифестов акмеистов

Гумилев Н. Наследие символизма и акмеизм (Аполлон. 1913.№1)

На смену символизма идет новое направление, – акмеизм ли (от слова ἀκμή — высшая степень чего-либо, цвет, цветущая пора), или адамизм (мужественно твердый и ясный взгляд на жизнь), – во всяком случае, требующее большего равновесия сил и более точного знания отношений между субъектом и объектом, чем то было в символизме. Однако, чтобы это течение утвердило себя во всей полноте и явилось достойным преемником предшествующего, надо, чтобы оно приняло его наследство и ответило на все поставленные им вопросы. Слава предков обязывает, а символизм был достойным отцом.

Русский символизм направил свои главные силы в область неведомого. Попеременно он брался то с мистикой, то с теософией, то с оккультизмом. Некоторые его искания в этом направлении почти приближались к созданию мифа. И он вправе спросить идущее ему на смену течение, только ли звериными добродетелями оно может похвастать, и какое у него отношение к непознаваемому. Первое, что на такой допрос может ответить акмеизм, будет указанием на то, что непознаваемое, по самому смыслу этого слова, нельзя познать. Второе – что все попытки в этом направлении – нецеломудренны. Вся красота, все священное значение звезд в том, что они бесконечно далеки от земли и ни с какими успехами авиации не станут ближе. <...> Детски-мудрое, до боли сладкое ощущение собственного незнания, – вот то, что нам дает неведомое.

Мандельштам О. Утро акмеизма (1913)

Символисты были плохими домоседами, они любили путешествия, но им было плохо, не по себе в клетки своего организма и в той мировой клетки, которую с помощью своих категорий построил Кант. Для того, чтобы успешно строить, первое условие – искренний пиетет к трем измерениям пространства - смотреть на них не как на обузу и на несчастную случайность, а как на богом данный дворец. В самом деле: что вы скажете о неблагодарном госте, который живет за счет хозяина, пользуется его гостеприимством, а между тем в душе презирает его и только и думает о том, как бы его перехитрить. Строить можно только во имя «трех измерений», так как они есть условие всякого зодчества. Вот почему архитектор должен быть хорошим домоседом, а символисты были плохими зодчими. Строить - значит бороться с пустотой, гипнотизировать пространство. Хорошая стрела готической колокольни - злая, потому что весь ее смысл — уколоть небо, попрекнуть его тем, что оно пусто.

Я ненавижу свет
Однообразных звезд.
Здравствуй, мой давний бред, —
Башни стрельчатый рост!

Кружевом, камень, будь
И паутиной стань,
Неба пустую грудь
Тонкой иглою рань.

Метафора акмеистического слова у Осипа Мандельштама – камень.

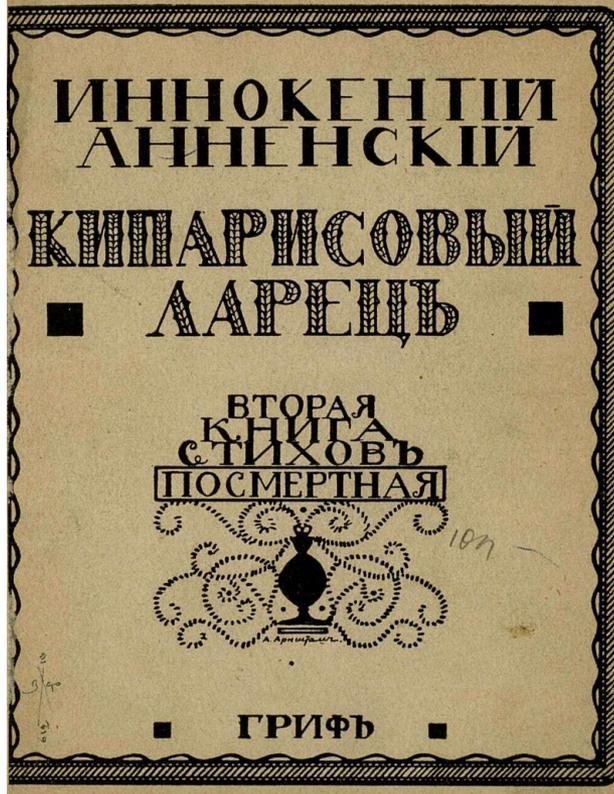
«Камень Тютчева, что «с горы скатившись, лег в долине», – есть слово. Голос материи в этом неожиданном паденье звучит как членораздельная речь. На этот вызов можно ответить только архитектурой. Акмеисты с благоговением поднимают таинственный тютчевский камень и кладут его в основу своего здания.

Камень как бы возжаждал иного бытия. Он сам обнаружил скрытую в нем потенциально способность динамики — как бы попросился в «крестовый свод» – участвовать в радостном взаимодействии себе подобных. мироощущение для художника орудие и средство, как молоток в руках каменщика, и единственно реальное – это само произведение».

Утро акмеизма (1913)

Как можно истолковать эту метафору в лингвопоэтическом аспекте?

	СИМВОЛИЗМ	АКМЕИЗМ
«Вкус» или базовая бытийная интуиция	Чувство тайны	Чувство жизни
Поэтика слова	Слова хамелеоны	Слово камень
Форма выражения субъективности	Эмблематизация лирического «Я»	Лирический герой
лиризм	Экстатические состояния	Психологизация лирики
Ориентации в мире культуры	музыка	Архитектура, скульптура, живопись
Ритмо интонационные предпочтения	Напевный стих	Говорной повествовательный
Образ поэта	Пророк, тайновидец, Маг...	Мастер, земной человек

Своим ближайшим предшественником, даже учителем, акмеисты считали Иннокентия Анненского

Близкого символистам по спектру настроений, по картине мира Анненского в сфере поэтики отличало тяготение к «будничному», как он определял, слову. Исходным импульсом к его метафизическим переживаниям служили зачастую обыденные вещи – старая шарманка, тикающие часы, рисунок обоев, тряпичная кукла. Не случайно Лидия Гинзбург свою статью о поэте назвала «Вещный мир». Именно «вещность» слова Анненского привлекала молодых поэтов 1910-х гг.

Его книгу «Кипарисовый ларец» Н. Гумилев назвал «катехизисом современной чувствительности»

«Круг его идей остро нов и блещет неожиданностями, иногда парадоксальностью. Для него в нашей эпохе характерна не наша вера, а наше безверье, и он борется за своё право не верить с ожесточённостью пророка. С горящим от любопытства взором он проникает в самые тёмные, в самые глухие закоулки человеческой души; для него ненавистно только позёрство, и вопрос, с которым он обращается к читателю «а если грязь и низость только мука по где-то там сияющей красе?» — для него уже не вопрос, а непреложная истина. «Кипарисовый ларец» - это катехизис современной чувствительности».

Дождик

Вот сизый чехол и распорот,—
Не все ж ему праздно висеть,
И с лязгом асфальтовый город
Хлестнула холодная сеть...

Хлестнула и стала мотаться...
Сама серебристо-светла,
Как масло в руке святотатца,
Глазеты вокруг залила.

И в миг, что с лазурью любилось,
Стыдливых молчаний полно,—
Всё темною пеной забилося
И нагло стучится в окно.

В песочной зароется яме,
По трубам бежит и бурлит,
То жалкими брызнет слезами,
То радугой парной горит.

.....

О нет! Без твоих превращений,
В одно что-нибудь застывай!
Не хочешь ли дремой осенней
Окутать кокетливо май?

Иль сделаться Мною, быть может,
Одним из упрямых калек,
И всех уверять, что не дожит
И первый Овидиев век:

Из сердца за Иматру лет
Ничто, мол, у нас не уходит —
И в мокром асфальте поэт
Захочет, так счастье находит

1909

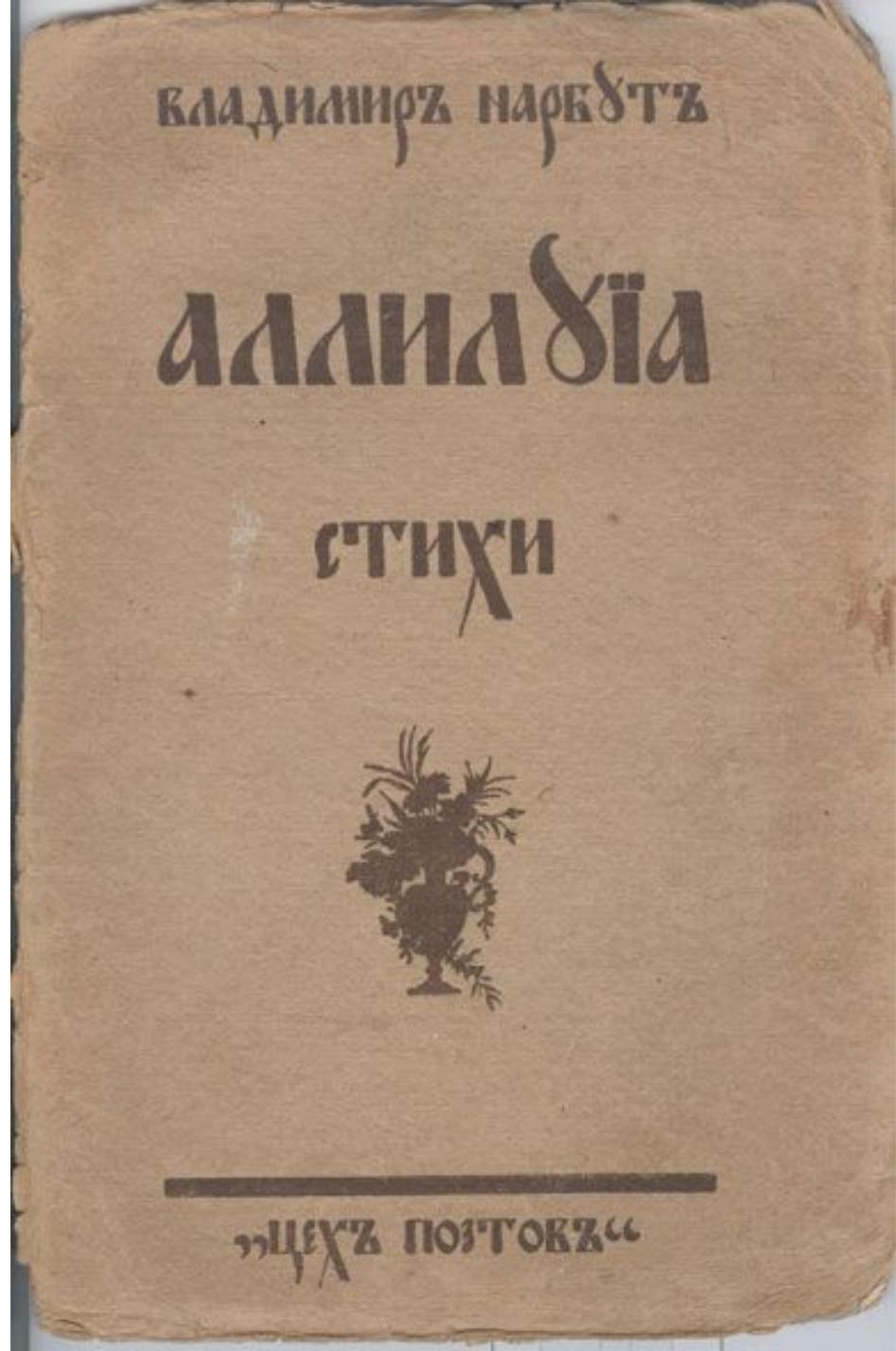
ЛЕВЫЙ ФЛАНГ АКМЕИЗМА

Акмеизм не был, конечно, однороден. В качестве своего рода его классики мы представляем творчество поэтов-петербуржцев – Анны Ахматовой, Николая Гумилева и Осипа Мандельштама. Для их стихов характерна очевидная погруженность в культуру – реминисценции, прямое использование образов из сферы истории и культуры... В этом отношении им противоположны Владимир Нарбут и Михаил Зенкевич с их очевидным, а порой демонстративным стремлением «схватить» жизнь вне культурных опосредований в ее обнаженном и сочном натурализме, в первозданной силе ее проявлений. Нарбут и Зенкевич нередко используют образы физиологически откровенные, грубые, иногда отвратительные, и это отчасти сближает их с эстетикой безобразного у футуристов.

Если взглянуть на эстетическое своеобразие «левых» акмеистов с точки зрения социологии литературы, то, может быть, одним из его объяснений могло бы стать их провинциальное происхождение.

В.И. Нарбут (1888-1938)

Портрет

*Взглянь на род человеческий. Он ведь есть книга: книга же черная.
Гр. С. Сковорода*

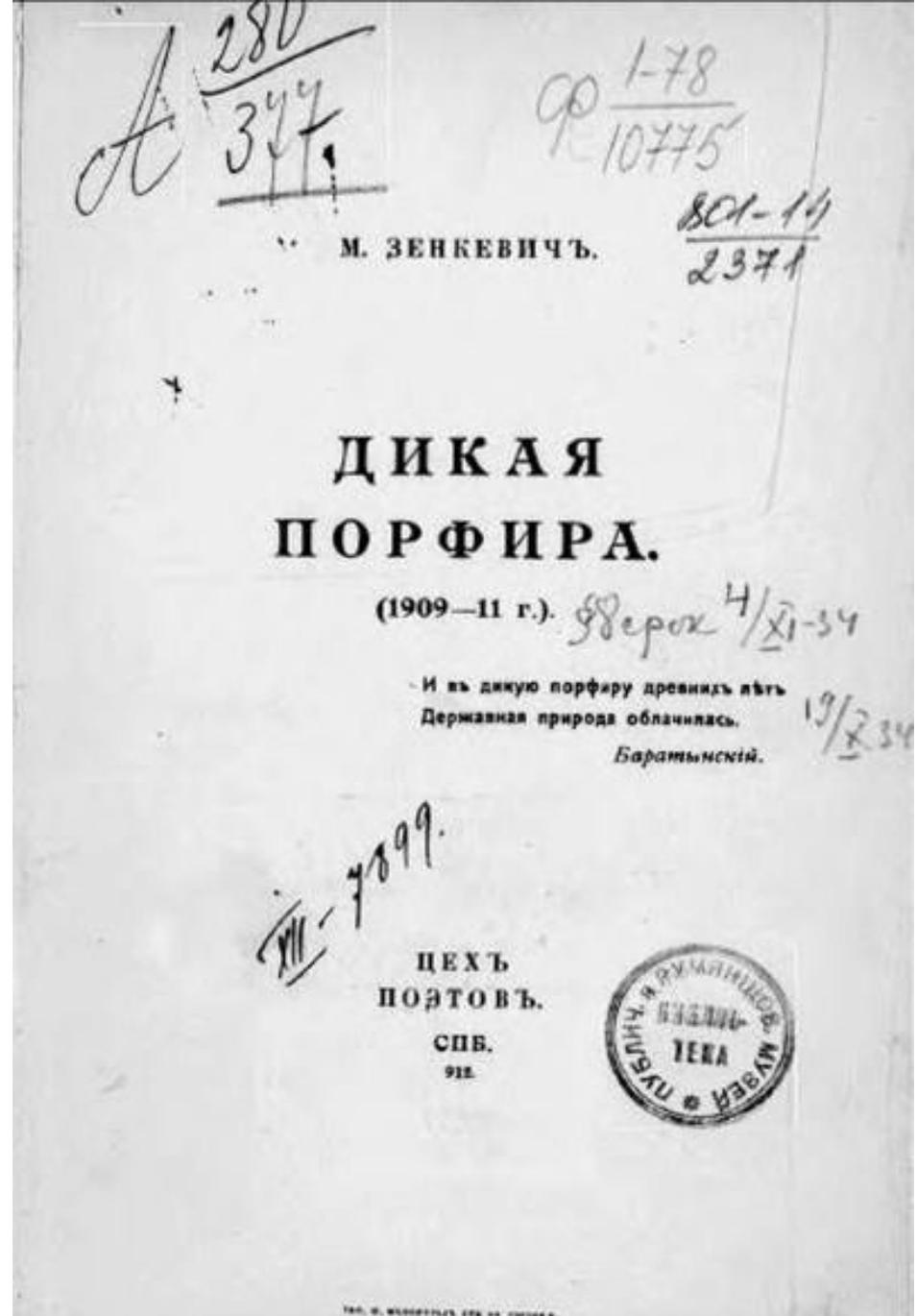
Мясистый нос, обрезком колбасы
нависший на мышастые усы,
проросший жилками (от ражей лени),—
похож был вельми на листок осенний.
Подстриженная сивая щетина,
из-под усов срывалась – в виде клина;
не дыней ли (спаси мя от греха!),
глянь, подавилась каждая щека?
Ленивей и сонливей лопухов,
солонки сочные из-за висков,
ловя, ховая речи, вызирали
печурками (для вкладки в них миндалин).
А в ямках-выбоинах под бровями
два чернослива с белыми краями,
должно быть, в масле (чтоб всегда сиять),
полировали выпуклую гладь.
И лоб, как купол низенький извне,
обшитый загорелой при огне,
потрескавшейся пористою кожей,
проник заходиной в колосьев ложе;
и взмылила главы обсосок сальный
полсотня лет, глумясь над ним нахально:
там – вошь сквозная, с точкою внутри,
впотьмах цепляет гнид, как фонари.

В качестве неожиданной параллели к портрету-натюрморту Владимира Нарбута вспоминаются причудливые портреты кисти «странного» итальянского художника XVI столетия Джузеппе Арчимбольдо (1526-1593).

Михаил Зенкевич (1886-1973)

Махайродусы

Корнями двух клыков и челюстей громадных
Оттиснув жидкий мозг в глубь плоской головы,
О махайродусы, владели сушей вы
В третичные века гигантских травоядных.

И толстокожие — среди пастбищ непролазных,
Удобривая соль для молочайных трав,
Стада и табуны ублюдков безобразных,
Как ваш убойный скот, тучнели для облав.

Близ лога вашего, где в сумрачной пещере
Желудок страшный ваш свой красный груз варил,
С тяжелым шлёпаньем свирепый динотерий
От зуда и жары не лез валяться в ил.

И, видя, что каймой лилово-серых ливней
Затянут огненный вечерний горизонт,
Подняв двупарные раскидистые бивни,
Так жалобно ревел отставший мастодонт.

Гудел и гнулся грунт под тушею бегущей,
И в свалке дележа, как зубья пил, клыки,
Хрустя и хлюпая в кроваво-жирной гуще,
Сгрызали с рёбрами хрящи и позвонки.

И ветром и дождём разрытые долины
Давно иссякших рек, как мавзолеей, хранят
Под прессами пластов в осадках красной глины
Костей обглоданных и выщербленных склад.

Земля-владычица! И я твой отпрыск тощий,
И мне назначила ты царственный удел,
Чтоб в глубине твоей сокрытой древней мощи
Огонь немеркнувший металлами гудел.

Не порывай со мной, как мать, кровавых уз,
Дай в танце бешеном твоей орбитной цепи
И крови красный гул и мозга жирный груз
Сложить к подножию твоих великолепий.

1911